

УДК 81-25+811.161.1'42+81'367.321/322
DOI 10.52452/19931778_2024_3_196

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ВОПРОСНО-ОТВЕТНЫХ ЕДИНСТВ В ФАТИЧЕСКОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© 2024 г.

И.А. Кузнецов

Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева, Москва

igorkuznetz@gmail.com

Поступила в редакцию 09.04.2024

Обсуждаются проблемы прагматической типологии вопросно-ответных единств в фатическом диалогическом взаимодействии на русском языке. Цель работы – рассмотреть вопросно-ответные единства в русской речи в аспекте отношений иллокутивного вынуждения как коммуникативного согласования ролей коммуникантов и реплик. Материалом исследования являются контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка. Показано, что речевые акты коммуникантов и выражающие их реплики в контексте диалогического взаимодействия могут быть иллокутивно независимыми (назначение их определяется интенциями самого говорящего) и иллокутивно зависимыми (их назначение определяется иллокутивным назначением какой-либо предшествующей реплики). Также выявлено четыре типа прагматической связности реплик в вопросно-ответных единствах: согласование реплик по иллокутивной функции; связь реплики с условиями успешности предшествующего речевого акта, минуя содержание высказывания; направленность реплики на презумпцию предшествующего высказывания; связь реплик, устанавливаемая на основе обращения к имплицатурам дискурса. Делается вывод, что на уровне коммуникативной организации диалога имеет место прагматическая согласованность реплик, но, по сути, согласно глубинным интенциям участников коммуникации, истинное коммуникативное сотрудничество может и не иметь места.

Ключевые слова: фатическая коммуникация, вопросно-ответные единства, иллокутивная зависимость, иллокутивная независимость, прагматическая связность реплик, интенции коммуникантов, русская диалогическая речь.

Введение

В статье представлены очередные результаты нашего продолжающегося комплексного, коммуникативно-прагматического, когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического, исследования моделей русской фатической диалогической коммуникации [1]. Научный инструментарий исследования основан на принципах когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных [2; 3], коммуникативно-прагматического подхода [4; 5] и научного аппарата изучения диалогической речи в современной отечественной лингвокультурологии [6–8]. Материалом исследования являются контексты реализации фатических вопросно-ответных единств, извлеченные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [9].

Фатические вопросно-ответные единства в диалогической коммуникации рассматриваются как некая коммуникативно-прагматическая целостность, основанная на отношениях иллокутивного вынуждения как коммуникативного согласования ролей коммуникантов и реплик и реализующая разные типы прагматической связности [10]. При этом речевые акты комму-

никантов и выражающие их реплики в контексте диалогического взаимодействия могут быть *иллокутивно независимыми* (назначение их определяется интенциями самого говорящего) и *иллокутивно зависимыми* (их назначение определяется иллокутивным назначением какой-либо предшествующей реплики) [11], что отражено и в обследованном в работе текстовом материале. Обе разновидности возможны как в прямом, так и в косвенном речеактовом режиме.

Иллокутивно зависимые вопросно-ответные единства

(1) В режиме прямого диалогического взаимодействия:

– «вопрос» – «информативный ответ»: – *Кто тебе сказал? – оторвалась от своей анкеты Светлана. // – На улице слышала* (НКРЯ – Маша Трауб. Замочная скважина (2012));

– «вопрос» – «подхват»: – *И зачем тебе это было надо? // – Как зачем? Я же должна знать, что за девка* (НКРЯ – Маша Трауб. Нам выходить на следующей (2011));

– «вопрос» – «переспрос»: – *Что ты сказал? – Сергей подскочил к Лантю. // – А что я ска-*

зал? (НКРЯ – Анатолий Мельник. Авторитет (2000));

– «вопрос» – «повтор»: – *Правильно кровь остановили? // – Правильно кровь остановили* (НКРЯ – М.С. Аромштам. Мохнатый ребенок (2010));

– «вопрос» – «добавление»: *Буквально через минуту она закивала и раскрыла дверь пошире, явно предлагая войти. // – Что ты сказал? // – Что мы студенты из России и собирались написать о Генрихе Гердхарте материал как о великом географе* (НКРЯ – Полина Волошина, Евгений Кульков. Маруся (2009));

– «вопрос» – «уточнение»: – *Ой, прости, – сказала она испуганно. – Что ты сказал? // – Научи меня, пожалуйста... – я кивнул на клавиши перед мамой* (НКРЯ – А.В. Жвалевский, Е. Пастернак. Время всегда хорошее (2009));

– «вопрос» – «несогласие»: – *Это случайность, или принципиальная позиция? // – Я не согласен. В общественной жизни я участвую. А политикой мы никогда не занимались* (НКРЯ – Александр Боровков, Андрей Гаврюшенко. Михельсон открывает карты // «Дело» (Самара), 2002.04.26);

– «вопрос» – «подтверждение»: – *Это перед Новым-то годом?.. брр... // – Все правильно. Я разве что говорю. Я ничего не говорю, – хозяин джипа выразительно почесал в затылке* (НКРЯ – Ю.И. Андреева. Многоточие сборки (2009));

– «вопрос» – «обязательство»: – *А могу ли я уже при жизни хоть одним глазком взглянуть на твое небесное царство? // – Обещаю тебе это* (НКРЯ – Еремей Парнов. Третий глаз Шивы (1985));

– «вопрос» – «отказ от изложенного в пропозиции»: – *Вы не будете включать радиолу? Играть на музыкальных инструментах? // – Нет, не собираюсь. Но хочу предупредить: я писатель, иногда пишу, а перо немного скрипит...* (НКРЯ – Коллекция анекдотов: гостиница (1970–2000));

– «вопрос» – «возражение»: – *Что случилось? Неужели мы так хорошо сегодня живем? // – Нам и раньше не нужны были деньги МВФ, и сейчас они не нужны* (НКРЯ – Владислав Старков. Советник президента // «Аргументы и факты», 2001.04.04);

– «вопрос» – «опровержение»: – *Но ведь повышение зарплаты от самого гражданина мало зависит? // – На мой взгляд, это не так. Это зависит прежде всего от человека, как ни парадоксально это звучит* (НКРЯ – Оксана Карпова. Александр Починок: Концепция льготного государства бессмысленна // «Время МН», 2003.07.31).

(2) В режиме косвенного диалогического взаимодействия:

– «вопрос-предложение» – «согласие/несогласие»: *Когда Андрей выпил вкусный, холодный сок, то тот спросил: – Андрей, не хотите ли позвонить домой? // – Конечно, хочу, – обрадовался он и пошел за мэром* (НКРЯ – Лев Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001));

– «вопрос-совет» – «согласие/несогласие»: – *Не пора ли вам ложиться, дорогой Алексей Иванович, – отчетливо сказал Ганин. // – Нет, – с трудом выговорил Алферов...* (НКРЯ – В.В. Набоков. Машенька (1926));

– «вопрос-приглашение» – «благодарность/вежливый отказ»: – *Очень вам благодарен, поручик... Не зайдете ли выпить стакан чаю? // – Благодарю вас, меня товарищи ждут...* (НКРЯ – В.В. Вересаев. В тупике (1920–1923));

– «вопрос-намерение» – «согласие/несогласие»: – *Не пора ли подкрепиться? // – Можно, – кивнул Ефимов* (НКРЯ – Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011));

– «вопрос-извинение» – «принятие извинения»: – *И вы меня прощаете? И вы можете меня простить? // – От всей души и чистого сердца прощаю, если вы только полагаете, что в чем-нибудь против меня виноваты, чего я, однако же, не знаю* (НКРЯ – В.И. Даль. Павел Алексеевич Игривый (1847));

– «вопрос-побуждение (просьба, пожелание, запрет, требование и пр.)» – «согласие/отказ»: – *Не пора ли тебе спать, мальчик? // – Нет, еще полчаса, пожалуйста. // Никита прислонился головой к матушкиному плечу* (НКРЯ – А.Н. Толстой. Детство Никиты (1919–1922)).

Иллокутивно независимые вопросно-ответные единства

(1) В режиме прямого диалогического взаимодействия:

– «вопрос» – «не обусловленное вопросом сообщение»: – *Неужели мы и этого потеряем? // – Ты спроси Саньку, как он относится к числу «пи», – сказал Громобоев и побежал к остановке* (НКРЯ – Михаил Анчаров. Как Птица Гаруда (1989));

– «вопрос» – «вопрос»: – *Что значит – не тому? // – А то ты не знаешь?! Не знаешь?* (НКРЯ – Вера Белоусова. Второй выстрел (2000));

– «вопрос» – «побуждение»: – *Бог знает что вы говорите! Не пора ли вам домой? десятый час. // – Зачем мне домой!* (НКРЯ – И.А. Гончаров. Иван Савич Поджабрин (1842));

– «вопрос» – «эмоциональная реакция»: – *Я думаю... Может, мы его поменяем? Пока мало*

времени прошло? // – **Как ты можешь так говорить?** Ты вез этого несчастного котенка три часа, так что он почти опьянел от качки (НКРЯ – М.С. Аромштам. Мохнатый ребенок (2010));

– «вопрос» – «уход от темы»: – *А ты слышал?* // – **Мне что. Кричат и кричат** (НКРЯ – З.Н. Гиппиус. Дневники (1914–1928));

– «вопрос» – «отказ от продолжения коммуникации»: – *Что ты сказал? Повтори.* // – **Тебя это не касается** (НКРЯ – Владимир Козлов. Гопники (2002));

– «вопрос» – «агрессивная/конфликтная реакция»: – *Вы что, самоубийцы?* // – **Заткнись!** – *трясаясь в горячке несостоявшейся перестрелки, скомандовал эпээссник* (НКРЯ – Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011));

– «вопрос» – «прекращение коммуникации»: – *Как?* – **крикнул я. Он ничего не ответил и вышел. Мы – я и парикмахер – с носилками пошли за ним** (НКРЯ – Ю.О. Домбровский. Леди Макбет (1970)).

(2) В режиме косвенного диалогического взаимодействия:

– «вопрос-утверждение (риторический вопрос, в норме не могущий иметь ответа, т.е. быть иллюкутивно зависимым)» – «утверждение / вопрос»: – *Неужели люди захотят порядка такой ценой?* // – **Самое главное орудие – это крик о порядке** (НКРЯ – Ася Колодижнер, Александр Янов. Как-нибудь перезимуем. А дальше?.. // «Огонек». № 4, 1991);

– «вопрос-предложение» – «отказ / негативная эмоциональная реакция»: – *Уж вы удовлетворения не хотите ли? – с убийственной иронией произнес Хмелев.* // – **Куда мне, кухаркину сыну** (НКРЯ – Дмитрий Быков. Орфография (2002));

– «вопрос-совет» – «отказ / негативная эмоциональная реакция»: – *Пожалуй, ты изобрела новый способ укрощения персонала. Не хочешь ли запатентовать?* // – **Отвяжись, Оглоедов, без тебя тошно. Кофе угостишь?** (НКРЯ – Татьяна Сахарова. Добрая фея с острыми зубками (2005));

– «вопрос-намерение» – «сообщение»: – *Кажется, звонят на колокольне Преображенского собора, – заметил Илларион. – Не пойти ли нам на площадь?* // – **Звон в такое необычное время!** – *сказал Феодосий* (НКРЯ – К.П. Мазальский. Осада Углича (1841));

– «вопрос-побуждение (просьба, пожелание, запрет, требование и пр.)» – «отказ/негативная эмоциональная реакция»: – *Впрочем, я не возражаю, если вместо расчетов вы возьметесь за реконструкцию нашей копировки и закупку оборудования... Не хотите ли?* // – **Не хочу, – говорит Оскар. – Вот и никто не хочет, – говорит Земченков** (НКРЯ – Александр Щербаков. Золотой куб // «Техника – молодежи», 1977);

– «вопрос-упрек» – «негативная эмоциональная реакция»: – *Как ты мог? Как ты посмел?* // – **Что я сделал?** (НКРЯ – Маша Трауб. Замочная скважина (2012));

– «вопрос-угроза» – «согласие/вопрос/сообщение»: – *А по морде за такие слова?* // – **А дай!** *Слушай, в самом деле, ты вот получал по морде?* (НКРЯ – Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010);

– «вопрос-злопожелание» – «согласие/вопрос/сообщение»: – *А не пошел бы ты на...?* // – **Чиво? Чиво ты сказал?** (НКРЯ – Виктор Астафьев. Затеси // «Новый Мир», 1999).

Данные примеры еще раз демонстрируют, насколько сложные и разнообразные отношения между участниками диалога возникают в процессе фатического взаимодействия. Часто прагматическое согласование реплик в составе вопросно-ответного единства осложняется за счет не мотивированного ситуацией стремления участников обозначить собственные позиции или отношения, что также можно рассматривать в ряду национально обусловленных схем речевого взаимодействия, присущих высококонтекстному типу лингвокультуры.

В этой связи мы, вслед за Т.Б. Радбилем, можем постулировать наличие такой культурно-специфичной черты русского диалогического дискурса, как «псевдо-иллюкутивная вынужденность» [12]. На внешнем уровне иллюкутивные силы высказывания спрашивающего и отвечающего согласованы: на вопрос следует формальный ответ, на предложение – формальное согласие или отказ, на выражение какой-то мысли – формальное подтверждение. Также формально в таком вопросно-ответном единстве присутствуют и разнообразные средства прагматической связности: разного рода повторы и перифразы, анафорические связи, неполнота конструкции, частицы – маркеры диалогического взаимодействия и пр. Но при этом на уровне содержания и ситуации общения ответная реплика в таких случаях порождается специфической, порою негативной реакцией адресата не на иллюкутивную силу и/или пропозициональное содержание реплики инициатора, а на его личность, на свое или его психологическое состояние, настроение.

Диалогическая коммуникация такого типа со стороны выглядит как бессодержательная, тавтологичная:

– *Как достали? Откуда?* // – *Откуда, откуда... Да все оттуда же* (НКРЯ – Владимир Тендряков. Не ко двору (1954));

– *Ну что вызывает у вас сомнения?* // – *Да все то же, – сказал Гуров* (НКРЯ – А. Макеев, Н. Леонов. Ментовская крыша (2004));

– *А почему он их не уничтожил?* // – *Да потому!* (НКРЯ – Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011)).

В этих случаях отвечающий как бы игнорирует иллокутивную силу реплик инициатора, он отвечает себе, как бы реагирует на собственные размышления или настроения. Такие вопросно-ответные единства, включающие своего рода «передразнивающие» реплики, имеют неприличный и даже обценный аналог с нецензурными ответными реакциями на *где*-вопросы или *куда*-вопросы и им подобные, которые тоже вполне типизированны.

Чаще всего подобные «псевдо-иллокутивно вынужденные» реплики актуализуют разнообразные блоки имплицитных смыслов: они целиком и полностью апеллируют к контексту и к ситуации общения, к общему фонду знаний говорящего и адресата, т.е. эксплуатируют невербализованные компоненты смысла в прагматике речевого взаимодействия. Нередко на внешнем уровне прагматическая связность возникает за счет вербализации отвечающим иллокутивной силы вопроса (вместо предоставления запрашиваемой информации):

– *Кто?* // – *Он еще спрашивает!* (НКРЯ – Евгений Лукин. Клопики (2013));

– *Это все?* // – *Ну, ты спросил* (НКРЯ – Евгений Прошкин. Механика вечности (2001)).

Подобные явления как бы «повышают градус эмоциональности» в речевом общении, что также является примечательной чертой русского диалогического дискурса [13]. При этом, как справедливо замечает Т.Б. Радбиль: «Невозможно хотя бы приблизительно описать и каталогизировать даже примерный набор экстралингвистических обстоятельств и речевых ситуаций их употребления» [12, с. 127]. Большинство указанных случаев относится к проявлению смягченных форм вербальной агрессии или, по меньшей мере, потенциально конфликтной коммуникации.

Типы прагматической связности вопросно-ответных единств фатического типа

Еще одна классификация вопросно-ответных единств связана с типами прагматической связности, которые были выделены Е.В. Падучевой: «Прагматические связи – это такие, в которые существенным образом включается речевой акт, с его условиями успешности, его участниками, презумпциями этих участников, с естественными законами сочетаемости речевых актов друг с другом и т.п.» [14, с. 306]. Всего возможны четыре типа прагматической связности, важные для целей предпринятого нами исследования:

(1) согласование реплик по иллокутивной функции; (2) связь реплики с условиями успешности предшествующего речевого акта, минуя содержание высказывания; (3) направленность реплики на презумпцию предшествующего высказывания; (4) связь реплик, устанавливаемая на основе обращения к импликатурам дискурса [14, с. 313]. В обследованном материале присутствуют все четыре указанных типа вопросно-ответных единств.

(1) Явления согласования реплик по иллокутивной функции, а также разнообразные случаи несогласованности реплик по этому параметру в настоящем подразделе были подробно рассмотрены выше. Здесь приведем примеры сложных случаев согласования, в режиме косвенных речевых актов, когда обе реплики в составе вопросно-ответного единства – и инициальная, и реактивная – формально являются вопросами:

(а) с иллокутивной силой инициального вопроса согласуется иллокутивная сила не эксплицитной части ответной реплики, а пресуппозиции или импликации: – *Так вы считаете путь йоги бесполезным?* – *строго спросил Витаркананда.* // – *Как можно так понять мои слова?* (НКРЯ – И.А. Ефремов. Лезвие бритвы (1959–1963)). – Здесь в ответной реплике вопрос, по сути, является отрицательным ответом, прагматически согласованным с инициальным вопросом (= ‘Я так не считаю’);

(б) реальная иллокутивная сила ни инициального вопроса, ни ответной реплики не является вопросительной, т.е. в импликации обе реплики являются согласованными по пропозициональной части утверждениями: – *Как, и это все?* – *недоуменно глядя на коробку, спросил посетитель.* // – *А что еще-то?* (НКРЯ – Борис Поздняков. Переходящее красное знамя // «Сибирские огни», 2012). – Здесь и первый, инициальный, вопрос является положительным утверждением о недостаточном количестве чего-то (= ‘Этого мало’), и второй, реактивный, вопрос является утверждением (= ‘По-моему, достаточно’), согласованным по пропозициональному содержанию с первым.

(2) Связь реплики с условиями успешности [15; 16] предшествующего речевого акта, минуя содержание высказывания:

(а) вопросно-ответные единства с ответными репликами, обращенными к условию искренности ‘Говорящий (Г) хочет иметь информацию’:

– *А что ты думаешь по этому поводу?* // – *Ты хочешь знать?* – (НКРЯ – Ирина Безладнова. Такая женщина // «Звезда», 2001). – Здесь вместо содержательного ответа слушающий требует подтверждения, что это условие выполнено (= ‘Подтверди, что ты на самом деле хочешь получить от меня эту информацию’);

– Почему? // – *А тебя это интересует?* – пожал он плечами (НКРЯ – Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003–2005)). – Здесь вместо ответа слушающий просто отрицает факт, что это условие выполнено (= ‘Тебя это не интересует’ → ‘Ты на самом деле не хочешь иметь эту информацию’);

(б) вопросно-ответные единства с ответными репликами, обращенными к предварительному условию ‘Г не знает ответа’:

– *Что-то произошло?* // – *А ты разве не знаешь?* (НКРЯ – Лев Дворецкий. Шакалы (2000)). – Здесь вместо ответа слушающий утверждает, что говорящему известна запрашиваемая информация (= ‘Ты на самом деле знаешь, что произошло’);

– *Вы бы отправились в кругосветку на парусном корабле?* // – *Что за вопрос?! Хоть сейчас* (НКРЯ – Андрей Понкратов, Илья Кашницкий. «Не хотеть побывать в Конго невысказано!» // «Зеркало мира», 2012). – Здесь вместо ответа слушающий выражает мысль о неуместности вопроса, на который говорящему заранее известен ответ (= ‘Ты на самом деле знаешь ответ’ → ‘Непонятно, зачем ты спрашиваешь’).

(3) Направленность реплики на презумпцию (пресуппозицию) предшествующего высказывания, когда ответная реплика содержит информацию, относящуюся не к эксплицированной части пропозиции вопроса, а к его пресуппозиционному компоненту:

(а) реакция на семантическую пресуппозицию, вытекающую из семантики слов в высказывании говорящего:

– *Что случилось? Неужели мы так хорошо сегодня живем?* // – *Нам и раньше не нужны были деньги МВФ, и сейчас они не нужны* (НКРЯ – Владислав Старков. Советник президента // «Аргументы и факты», 2001.04.04). – Здесь в ответной реплике содержится реакция не на вербализованный компонент пропозиции ‘Мы так хорошо сегодня живем’, а на пресуппозицию (‘Нам не нужны деньги МВФ’);

– *А что, ты собираешься диссертацию писать?* // – *Да мне еще учиться сколько... – Сережа махнул рукой* (НКРЯ – Александра Маринина. За все надо платить (1995)). – Здесь в ответной реплике отвечающий реагирует не на содержание вопроса (‘собираешься или не собираешься писать диссертацию’), а на пресуппозицию (‘чтобы писать диссертацию, надо много знать и, следовательно, много учиться’);

(б) реакция на прагматическую пресуппозицию, которая вытекает из информации, известной адресату и говорящему из предыдущего контекста или из общеизвестной информации, по мнению отвечающего: *Я сказала Владимиру,*

что рада от чистого сердца, что он нашел подругу по себе. // – *Что ты имеешь в виду?* – *насторожился Владимир.* // – *Ничего* (НКРЯ – Алексей Слаповский. 100 лет спустя. Письма новорожденному сыну // «Волга», 2009). – Здесь реплика отвечающего *Ничего* является прагматически связанной не с вопросом инициатора диалога, а с тем, что было сказано раньше (‘нашел подругу по себе’) и вошло в фонд общих знаний участников диалога по данной ситуации;

Я случайно заметила, как она бросает мой портрет в огонь. // – *Мама, как ты могла? Там же я, – закричала я.* // – *Где?* (НКРЯ – Маша Трауб. Не вся la vie (2008)). – Здесь вопрос в ответной реплике *Где?* обращен к предшествующей ситуации в общем поле зрения говорящего и слушающего (‘она бросает мой портрет в огонь’), а не к вербализованной иницирующей реплике.

(4) Связь реплик, устанавливаемая на основе обращения к импликатурам дискурса. Согласно работам [14; 17], в имплицатуре дискурса содержится имплицитный смысловой компонент, самостоятельно выводимый слушающим из предположения, что говорящий соблюдает принцип кооперации. По сути, имплицатуры дискурса – это нестрогие умозаключения, которые не входят в собственно смысл предложения, но «вычитываются» в нем слушающим в контексте речевого акта, опираясь на постулаты речевого общения. Г.П. Грайс так описывает общую схему вывода имплицатуры дискурса: «Он сказал, что *p*; нет оснований считать, что он не соблюдает постулаты или по крайней мере Принцип Кооперации; он не мог сказать *p*, если бы он не считал, что *q*; он знает (и знает, что я знаю, что он знает), что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что *q*; он хочет, чтобы я думал – или хотя бы готов позволить мне думать – что *q*; итак, он имплицировал, что *q*» [17, с. 227–228].

Указанные имплицитные смыслы часто присутствуют в алогизмах, противоречивых или тавтологических высказываниях, каламбурах, экивоках и иных вариантах небуквального прочтения высказывания, при условии что буквальная интерпретация сказанного приводила бы к неинформативности, противоречивости или бессмысленности:

(а) обращение к импликатурам дискурса, основанное на небуквальной интерпретации алогизма или противоречия:

– *Блаженным считаешь или шизиком?* // – *Так ведь я ж тебе не жена!* (НКРЯ – Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005)). – Здесь эксплуатируется имплицатура ‘Только жена должна интересоваться твоим ментальным состоянием, у меня нет такого права и желания’;

(б) обращение к импликатурам дискурса, основанным на небуквальной интерпретации тавтологии – подобные случаи подробно анализируются в работах [13; 18]:

Лэсси мгновенно насторожилась. – Что ты хочешь сказать? // – А ты что хочешь сказать? – фыркнула Тилли (НКРЯ – Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона/ Девочки из колодца (2004)). – Здесь эксплуатируется импликатура ‘Я не понимаю, что ты от меня хочешь’;

– И тебе не стыдно?! // – Почему же мне должно быть стыдно? – удивился Ёжик (НКРЯ – Сергей Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969–1981)). – Здесь эксплуатируется импликатура ‘Мне нечего стыдиться’;

– И что ты сказал?.. // – А что на это скажешь?.. (НКРЯ – Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1–25 (1968) // «Новый Мир», 1990)). – Здесь эксплуатируется импликатура ‘В этой ситуации слова бесполезны’;

– Как вы себя чувствуете, Юрий Иванович? // – Ну как вы думаете, как я могу себя чувствовать? (НКРЯ – Даниил Гранин. Зубр (1987)). – Здесь эксплуатируется импликатура ‘Вы и сами должны понимать, что в известных вам обстоятельствах я не могу чувствовать себя хорошо’.

Заключение

Все рассмотренные выше четыре вида имплицитной прагматической связности, представленные в фатических вопросно-ответных единствах, в целом отвечают выдвинутому ранее принципу «псевдо-иллокутивной вынужденности»: на уровне коммуникативной организации диалога имеет место прагматическая согласованность реплик, но, по сути, согласно глубинным интенциям участников коммуникации, истинное коммуникативное сотрудничество отсутствует.

Здесь мы имеем дело с проявлением речевых тактик «выхода на метауровень», когда коммуникантов интересует не объективная ситуационная сторона речевого общения, а выражение своего настроения, собственного отношения к собеседнику или ситуации в целом, обсуждение способа или манеры ведения диалога. Это, по сути, выступает как воплощение установки на «выяснение отношений», столь характерной для национально обусловленных моделей диалогической коммуникации, по мнению ряда ученых [12; 13; 19; 20], что, в свою очередь, является показателем так называемой «высококонтекстной» культуры.

Список литературы

1. Кузнецов И.А. Национально обусловленные модели диалогической коммуникации в современной

русской речи: к проблеме комплексного лингвокультурологического описания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 274–279.

2. Чернявская В.Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 31–37.

3. Радбиль Т.Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 759–774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.

4. Иссерс О.С. Более полувека под зонтиком коммуникативных стратегий // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 2. С. 243–256. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256.

5. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: Кол. монография / Под ред. Л.В. Рацибурской. М.: Флинта, 2021. 328 с.

6. Арутюнова Н.Д. Национальное сознание, язык, стиль // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: Тезисы Международной конференции: В 2 т. Т. I. М.: МГУ, 1995. С. 32–33.

7. Гольдин В.Е., Сиротина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Проблемы культуры речи. Вып. 25 / Отв. ред. О.Б. Сиротина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. С. 9–19.

8. Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. 336 с.

9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 04.04.2024).

10. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания. 1992. № 3. С. 8–17.

11. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.

12. Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотношения. М.: Издательский дом «ЯСК», 2017. 592 с.

13. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 416 с.

14. Падучева Е.В. Прагматические аспекты связности диалога // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1982. Т. 41. № 4. С. 305–313.

15. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов / Сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова; общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 170–195.

16. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов / Сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова; общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.

17. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистиче-

ская прагматика / Сост. и вступ. ст. Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой; общ. ред. Е.В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.

18. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.

19. Hall E.T. Hidden Differences: Studies in International Communication. Hamburg: Grunder & Jahr, 1983. 100 p.

20. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.

PRAGMATIC TYPES OF QUESTION-ANSWER ADJACENCY PAIRS IN RUSSIAN-LANGUAGE PHATIC DIALOGICAL INTERACTION

I.A. Kuznetsov

The article discusses the problems of the pragmatic typology of question-answer adjacency pairs in phatic dialogical interaction in Russian. The purpose of the work is to consider question-answer adjacency pairs in Russian speech in the aspect of relations of illocutionary compulsion as a communicative coordination of the roles of communicants and replicas. The research material is contexts extracted from the Russian National Corpus. It is shown that the speech acts of communicants and the remarks that express them in the context of dialogic interaction can be illocutionary independent (their purpose is determined by the intentions of the speaker himself) and illocutionary dependent (their purpose is determined by the illocutionary purpose of any previous replica). Four types of pragmatic coherence of replicas in question-answer adjacency pairs have also been identified: coordination of replicas according to the illocutionary function; connection of the replica with the felicity conditions of the previous speech act, bypassing the content of the utterance; the direction of the remark on the presumption of the previous statement; a connection between replicas established on the basis of reference to conversational implicatures. It is concluded that at the level of communicative organization of dialogue there is a pragmatic consistency of replicas, but, in fact, according to the deep intentions of the participants in communication, true communicative cooperation may not take place.

Keywords: phatic communication, question-answer adjacency pairs, illocutionary dependence, illocutionary independence, pragmatic coherence of replicas, intentions of communicants, Russian dialogical speech.

References

1. Kuznetsov I.A. Nationally determined models of dialogic communication in modern Russian speech: on the problem of complex linguistic and cultural description // *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*. 2020. № 2. P. 274–279.

2. Chernyavskaya V.E. Discursive analysis and corpus methods: a necessary evidentiary link? Explanatory possibilities of qualitative and quantitative approaches // *Questions of cognitive linguistics*. 2018. № 2. P. 31–37.

3. Radbil T.B. «Self-isolation» as the newest Russian cultural concept: cognitive-discursive aspect // *Communicative research*. 2020. Vol. 7. № 4. P. 759–774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).

4. Issers O.S. More than half a century under the umbrella of communicative strategies // *Communicative research*. 2020. Vol. 7. № 2. P. 243–256. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256.

5. The Russian language in Internet communication: linguocognitive and pragmatic aspects: Collective monograph / Ed. by L.V. Ratsiburskaya. M.: Flint, 2021. 328 p.

6. Arutyunova N.D. National consciousness, language, style // *Linguistics at the end of the XX century: results and prospects: Abstracts of the International conference: In 2 vols.* V. I. M.: Moscow State University, 1995. P. 32–33.

7. Goldin V.E., Sirotinina O.B. Intra-national speech cultures and their interaction // *Questions of stylistics. Problems of speech culture. Issue 25* / Ed. by O.B. Sirotinina. Saratov: Saratov University Press, 1993. P. 9–19.

8. Demytyev V.V. Communicative values of Russian culture: the category of personality in mathematics and pragmatics. M.: Global Com, 2013. 336 p.

9. The National Corpus of the Russian language [Electronic resource]. Access mode: <http://www.ruscopora.ru> (Date of access: 04.04.2024).

10. Baranov A.N., Kreidlin G.E. The structure of a logical text: lexical indicators of minimal dialogues //

Questions of linguistics. 1992. № 3. P. 8–17.

11. Baranov A.N., Kreidlin G.E. Illocutionary compulsion in the structure of dialogue // *Questions of linguistics*. 1992. № 2. P. 84–99.

12. Radbil T.B. Language and the world: paradoxes of mutual reflection. M.: Publishing house «YaSK», 2017. 592 p.

13. Vezhbitskaya A. Language. Culture. Cognition / Translated from English; ed. and comp. M.A. Krongauz. M.: Russian dictionaries, 1997. 416 p.

14. Paducheva E.V. Pragmatic aspects of dialogue connectivity // *News AS USSR. A series of literature and language*. 1982. Vol. 41. № 4. P. 305–313.

15. Searle J.R. Classification of illocutionary acts // *New in foreign linguistics: Vol. 17. Theory of speech acts* / Comp. and introduction by I.M. Kobozeva and V.Z. Demyankov; general ed. by B.Y. Gorodetsky. M.: Progress, 1986. P. 170–195.

16. Searle J. R. What is a speech act // *New in foreign linguistics: Vol. 17. Theory of speech acts* / Comp. and the introduction by I.M. Kobozeva and V.Z. Demyankov; general ed. by B.Y. Gorodetsky. M.: Progress, 1986. P. 151–169.

17. Grice G.P. Logic and speech communication // *New in foreign linguistics: Vol. 16. Linguistic pragmatics* / Comp. and introductory articles by N.D. Arutyunova and E.V. Paducheva; general ed. by E.V. Paducheva. M.: Progress, 1985. P. 217–237.

18. Bulygina T.V., Shmelev A.D. Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar). M.: Languages of Russian culture, 1997. 576 p.

19. Hall E.T. Hidden Differences: Studies in International Communication. Hamburg: Grunder & Jahr, 1983. 100 p.

20. Krasnykh V.V. Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: A course of lectures. M.: Gnosis, 2002. 284 p.